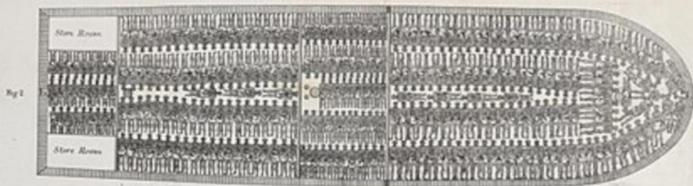

Дмитрий Сергеевич
Кобцев

ТОВАР

PLAN OF LOWER DECK WITH THE STORAGE OF 292 SLAVES
130 OF THESE BEING STOWED UNDER THE SHELVES AS SHOWN IN FIGURE A FIGURE.

PLAN SHewing THE STORAGE OF 130 ADDITIONAL SLAVES ROUND THE WINGS OR SIDES OF THE LOWER DECK BY MEANS OF PLATFORMS OR SHELVES
(IN THE MANNER OF GALLERIES IN A CHURCH) THE SLAVES STOWED ON THE SHELVES AND BELOW THEM HAVE ONLY A HEIGHT OF 2 FEET 7 INCHES
BETWEEN THE BEAMS AND SIX LESS UNDER THE BEAMS. See Fig 2.

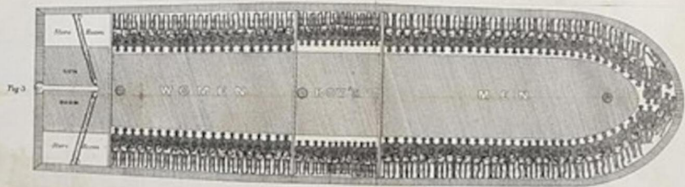

Fig 4
Cross Section
at the Prop.

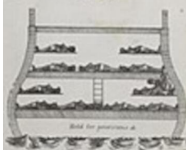

Fig 3
Cross Section
amidships

Fig 6
Lower Part of Stowage under the Prop.

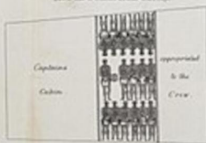
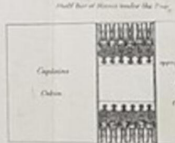

Fig 7
Half Part of Stowage under the Prop.

Дмитрий Сергеевич Кобцев

Товар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69408160

SelfPub; 2023

Аннотация

"Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может делать бездну добра". Эти слова Ф.М Достоевского служат эпиграфом к повести. Главный герой произведения, сам того не понимая, окажется замешан в гнусном деле. Но он сможет ли он остаться верным своим убеждениям и, не имея практически никаких полномочий, изменить ситуацию вокруг себя? Об этом вы узнаете в повести "Товар". Динамичный сюжет и обилие исторических фактов не дадут вам заскучать. Повесть интересна для читателей всех возрастов. В ней поднимаются социальные проблемы корыстности, гордыни и других пороков человеческой души. Надеюсь, вы получите удовольствие от чтения.

Содержание

1.	6
2.	9
3.	12
4.	19
5.	25
6.	30
7.	34
8.	39
9.	42

Дмитрий Кобцев

Товар

От автора.

Это моё второе произведение. Оно несколько выбивается из взятого мной курса. Я воздержусь от описания войн и трагедий. Я старался отразить в ней проблемы общества и более понятным языком донести до читателя важность таких качеств как доброта, сострадание и честь.

Отдельное внимание стоит уделить именам и фамилиям главных героев. Все они «говорящие». Вот их список: Габриэл – помощник Бога, сильный человек Бога, Божья твердыня; Кливз – раскалывающий, рассекающий, остающийся верным, преданным; Калверт – пастух ягнят; Литтл – маленький; Квако – среда, дополнительное значение – паук; Ачиампонг – предназначен для величия. Необходимо пояснить, что в народе Ашанти, к которому этнически принадлежит наш герой, как и во всей группе Аканов, детей часто называют в честь дня недели, в который они родились. Однако оно имеет и дополнительное значение. Также встречаются имена, обозначающие номер ребёнка в семье ли особые обстоятельства рождения. Что касается фамилии, она идёт после имени и даётся в честь близких родственников или же друзей отца.

Имена, которые я не указал в этом списке, принадлежат

действительно жившим людям. Они, согласно самым разным источникам, могли принимать участие в описанных событиях. Даже корабль «Брукс» и его плавание действительно существовали. Разве что на нём не было главного героя.

При написании рассказа я использовал настоящие карты тех лет, современные фотографии со спутника, а также самые разные источники. Однако я не могу назвать эту повесть полностью исторической, так как описанные в ней события вымышлены. Но я старался как можно точнее показать быт, атрибутику и настроения того времени. Так что такие приключения вполне могли существовать.

В произведении может присутствовать лексика, способная оскорбить некоторых читателей. Прошу не принимать её всерьёз, ибо она нужна лишь для подчёркивания образов персонажей, использующих её.

Желаю приятного прочтения.

Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может делать бездну добра.

Ф. Достоевский

1.

Это был совершенно обычный сентябрьский день. Ночью прогремела гроза, поэтому над всеми окрестностями Дартмута стоял чистый и свежий воздух. Это лишь увеличило моё желание ловить рыбу сегодня.

Я собрал свои снасти и направился к побережью. Ветра почти не было, поэтому выйти на лодке в море было нестрашно. Мой путь лежал мимо порта. Большие каравеллы, стоявшие на рейде, всегда вызывали у меня трепет. Больше них моё сердце заставляли дрожать лишь видневшиеся на горизонте мачты военных кораблей, находившихся на стоянке в отдельном порту. Все они манили меня в плавание. Ведь именно отсюда отплыли первые отцы-пилигримы, начавшие освоение Нового света. Возможно, эта тяга к морю и привила мне любовь к рыбалке.

Я прошёл мимо порта – мой путь лежал к куда более маленькой пристани. Спустя некоторое время я вышел из города. Ни о какой рыбалке в его черте не могло быть и речи – слишком людно. Ведь, несмотря на то, что стрелки часов показывали 4:15, в порту и его акватории уже началась жизнь и активность. Но вот я покинул город. Он лениво лежал на крутом холме, ещё не успевшем облысеть из-за наступившей осени. Дартмут был прекрасен в лучах только что взошедшего солнца, но я оставил его за спиной. На весь сегодняш-

ний день я планировал покинуть его и направиться в море.

Я вышел к берегу реки Дарт, которая впадала в Ла-Манш недалеко от нашего города. От центра Дартмута до побережья Атлантического океана было всего около двух тысяч восьмисот метров, поэтому я без труда преодолел это расстояние пешком и был на месте уже к половине шестого. Вода была тихая и спокойная, она больше походила на зеркало. Где-то здесь стоит моя лодка, укрытая в лесу, свежем и зелёном. Я начал осматривать побережье, как вдруг заметил одну странность. Около воды прямо на траве сидел человек, облокотившись на свои руки. Его взор был направлен на море, он даже не замечал меня. Я решил подойти ближе. Теперь я смог разглядеть странного незнакомца. Это был пожилой мужчина, высокого роста с седыми длинными волосами. Он был одет не богато, но и не бедно. Скорее всего, незнакомец относился к среднему классу. Хотя крупные ладони выдавали его принадлежность к физическому труду. На лице его не было удовольствия или радости, скорее даже грусть и печаль жгли его сердце. Кожа старика выглядела загоревшей, скорее всего он проводил много времени за своим занятием. К слову, с ним не было ни удочки, ни корзинки с едой. Что же он мог делать здесь в столь ранний час?

Любопытство взяло верх, и я решил заговорить с ним. Выяснилось, что старика звали Габриэл Кливз. Он проживал здесь с самого детства. Всю жизнь он связал с судоходством, начал свой путь юнгой, а закончил боцманом. Всю жизнь он

работал на торговых судах, причём менял он их, только один раз за всю карьеру. Сейчас же он ушёл на заслуженный отдых по причине старческой немощности. Обеспечением его занимались дети. Теперь он почти каждый день посещал это побережье.

– отчего же Вы не желаете проводить это время с семьёй или друзьями? – спросил я.– Не лучше ли Вам будет посещать это место с компанией?

– оно может и так. Да только для меня это место огромной печали от потери друга. Когда я нахожусь здесь, я вспоминаю те славные времена. Поэтому это не то место, где я бы хотел веселиться.

– что у вас произошло?– спросил я, буквально захлёбываясь от интереса, но стараясь не подавать виду.

И старик начал рассказ. Для удобства и меня и читателя я помещу его сюда так, как рассказал мне Габриэл, от его лица.

2.

Я тоже мечтал о море. Все ребята в нашем городе играли в матросов на разбитых рыбацких лодках. Но для большинства это так и осталось игрой. Но я всегда отличался от них некоторой целеустремлённостью. И если для всех это были просто шалости, я решил связать свою жизнь с мореходством абсолютно серьёзно. Идея эта не оставляла меня в покое ни днём, ни ночью. А это значило, что и для моих родственников спокойная жизнь была окончена. Я говорил об этом постоянно, читал только о море, даже пытался готовить по рецептам коков.

Так продолжалось до тех пор, пока мой отец не пристроил меня юнгой на корабль «Брукс», спущенный на воду всего пару месяцев назад. Моё положение было привилегированным, так как капитан, Клемент Ноубл, был другом отца. Он не был владельцем Брукса. Задачей Ноубла было управлять кораблём в дальних плаваниях, когда настоящий хозяин корабля лишь получал проценты, живя в Англии. Я работал наравне со всеми, а жил в крохотной, но отдельной, одноместной каюте. Это существенно облегчало моё положение во время всего плавания.

Перед отправкой нам сказали, что мы держим путь в Африку, чтобы купить там товар на продажу, а после сбуть его в Америке. После всего, мы должны будем вернуться в Ли-

верпуть. К слову, именно из Ливерпуля мы начинали своё плавание, поэтому добираться до точки отправки пришлось самостоятельно. Благо, меня отвёз отец, который как раз хотел повидаться с Ноублом. Таким образом, мы должны были пройти что-то вроде треугольника. Всего плавание должно было занять около двух лет.

Я распрощался с семьёй и направился в путь. Они явно были огорчены расставанием на столь долгий срок. Я тоже чувствовал печаль. Но с другой стороны, я давно мечтал о подобном путешествии.

Да и времени скучать у меня не было. В первый день, я начал исследовать корабль. В нём всё было как в книгах, прочитанных мной. Единственное, что меня смущало – это планировка корабля. Он был слишком приземистый, низкий. А в трюме, вместо отделений для грузов были пустые полки и обширные площадки на полу. Что должно перевозиться здесь?

Это обстоятельство подогревало мой интерес к грядущему плаванию. Я постоянно был в работе: лазил по мачтам, драил палубу, был вперёдсмотрящим. Поэтому дни пролетали один за другим. Казалось, что это плавание сошло с моих фантазий. Прекрасная морская гладь, отливавшая лазоревым блеском на солнце, грозные штормы и таинственные глубины. В суматохе я не замечал ни гибели нескольких членов экипажа, ни грохота цепей, слишком тонких, чтобы быть якорными.

Свободное время я проводил у капитана, изучая карты и приборы. Так я узнал, что наш путь лежит к замку Кейп-Кост, расположенному на западном берегу Ганы. Некогда я слышал, что он являлся центром торговли древесиной и золотом. Но последнее время упоминаний о нём было невероятно мало. Я знал лишь, что в 1722 году там повесили команду пирата, Бартоломео Робертса. И от этого неведения желание скорее приплыть в Кейп-Кост было огромным. Тем более что за долгие два месяца морская рутина стала надоедать даже мне.

И эти два месяца были лишь половиной пути. Достичь заветного замка нам удалось лишь 15-го января 1782-го года. Мы пробыли в плавании 103 дня. Для многих матросов это время было тяжёлым. Жизнь простых матросов на корабле далека от романтики путешествий. Антисанитария, тяжёлый физический труд, плохое питание и болезни омрачают прекрасные пейзажи океана. Конечно, я не понимал эту истину до плавания. Но сейчас, когда я увидел всё в живую, пусть и не прочувствовав на себе в полной мере, описания быта из книг заиграли новыми красками у меня в голове. Порой, мне даже было стыдно перед моими товарищами за то, что я жил в лучших условиях. Но отказываться от этих условий я не хотел.

Так мы приплыли в Кейп-Кост...

3.

Это была белокаменная крепость с оранжевыми черепичными крышами. Стена, наиболее приближенная к морю, не уходила в воду, а стояла на некотором каменном утёсе, довольно резко переходившим в покатый песчаный пляж. Посетителей замка встречали мощные башни и пушечные батареи, предназначенные для его обороны. Пристани для кораблей не было. Лежавшие на берегу лодки и корабли, стоявшие на якоре в некотором отдалении от берега, свидетельствовали о том, что товары доставлялись до покупателей по воде. Это было очень странным решением, потому что такой способ транспортировки требовал гораздо больше сил и времени, нежели перенос их силами грузчиков по твёрдому причалу.

Вскоре после прибытия, мы спустили шлюпку. Я вместе с капитаном и несколькими матросами направился к берегу. Мы работали вёслами, рассекая серые и холодные воды Атлантического океана. Мы были относительно близко к экватору, но не пересекли его, поэтому январь здесь был всё ещё холодным месяцем. Но нужно отметить, что амплитуда изменения температур между зимой и летом здесь, на границе экваториального и субэкваториального климата, крайне мала. Воздух не бывает холоднее 20 градусов и жарче 35. Чётко выраженные сухой и влажный сезоны тоже отсутствуют.

Конкретно в тот день накрапывал мелкий дождик, но характерный запах в воздухе и свинцовые облака в воздухе намекали на то, что скоро может начаться ливень. Поэтому мы спешили в лоно замка.

По прибытии мы встретили Ричарда Майлса, губернатора Комитета купцов Золотого Берега – неофициальной английской колонии на побережье Атлантического океана. В 1660-ом году здесь была основана «Компания купцов, торгующих с Африкой». Но в связи с войной против Голландии всего через шесть лет после основания она обанкротилась и была воссоздана в 1672 году как «Королевская Африканская кампания». Однако в 1752 году все её активы были переданы новой «Компанией купцов, торгующих с Африкой». Штаб-квартира этой организации находилась не в Кейп-Косте, самом крупном её городе, а в Лондоне. Очевидно, Майлз прибыл в замок с визитом или проверкой. Конечно, он не знал нашего капитана, но с радостью с ним познакомился. Они беседовали о торговых и политических вопросах около пяти-шести минут, пока разговор не был прерван начавшимся ливнем. Майлз учтиво пригласил нас в свою «резиденцию», где уже находилось около десяти человек. Видимо, губернатор устраивал что-то вроде светского вечера у себя дома.

Там собралась знать замка и окрестностей. Нас встречала роскошь, которая, конечно, и рядом не стояла с убранством богатых домов в Лондоне, но для Африки была очень дорогой и приметной. Дамы и кавалеры в прекрасных нарядах и

белых париках, тапёр, играющий на фортепиано, вина. Всё это было очень похоже на светское мероприятие в Англии, но выделялась одна деталь. Среди всех участников мероприятия выделялись два чернокожих мужчины лет сорока-пятидесяти. Они были одеты как европейцы, вели себя так же, говорили на ломаном английском.

– кто эти люди?– спросил я у Ноубла.

– это те, кто помогают нам получать товар. – Ответил капитан. – Они налаживают связь с аборигенами. Без них было бы тяжело получать ресурсы из регионов, расположенных вдали от побережья.

Через час мы покинули вечер, уведомив губернатора. По словам Ноубла, нас ждали матросы, которые уже направились в подземелья с целью изучить то, что мы собираемся купить. Удивительно, как я забыл о них, увидев роскошь светской жизни, от которой я успел отвыкнуть за долгие месяцы плавания. А ведь они были брошены под дождём. Да и нас ещё ждал Аномабу, другой форт, расположенный всего в двенадцати километрах от Кейп-Коста.

Мы прошли по крутым мощеным улицам замка и спустились в подземелье. Тёмные, сырые, слабоосвещённые коридоры, кишасшие крысами, встретили нас. От таких видов у меня пробежали мурашки. Здесь не могла храниться еда или сукно. И разве для этого нужна такая мощная охрана? «Скорее всего, здесь спрятано золото», подумал я. Когда наш сопровождающий сказал, что товар находится за поворотом, я

уже собрался набрать воздуха в лёгкие перед созерцанием несметных богатств чёрного континента. Но смрад пота ударил мне в ноздри. За поворотом нас ждала ужасная картина. Не так я представлял себе несметные богатства.

Рабы. Десятки человек разного пола и возраста сидели в тёмном большом помещении. И таких комнат было несколько. В них не было ни тени удобств. Людям запрещали свободно перемещаться, кормили самой дешёвой пищей, вызывающей проблемы с желудком. Эта картина повергла меня в ужас.

– что это значит? – спросил я, – кто все эти люди?

– это и есть наш товар. – ответил Ноубл. – мы купим около двухсот человек здесь и примерно столько же в Аномабу. Потом перевезём их в Кингстон, на Ямайку. А там их перепродадут. Большинство из них попадут на плантации, некоторые будут слугами. Это уже не наше дело. Главное довести как можно больше до Кингстона и продать их там как можно выгоднее.

– но как они все здесь оказались?

– те негры, про которых ты спрашивал у губернатора, – отвечал Ноубл, уже осматривая рабов, – налаживают связи с вождями племён, промышляющих работорговлей. Они обменивают своих соплеменников на порох, железные инструменты и прочие блага цивилизации, купленные в наших городах. А мы, в свою очередь, выкупаем рабов у них, давая им деньги на приобретение товаров для следующего бартера.

Тем временем, наши матросы уже принесли цепи, которые мы везли ещё из Англии. Они начали планомерно заковывать в них людей, формируя что-то вроде связок. Затем их выводили на поверхность. Они проходили мимо нас. В лицах несчастных читался ужас. Большинство из них никогда в жизни не видели моря и кораблей, поэтому им казалось, что их собираются убить. На многих из них были следы болезней, а на некоторых увечья, причиненные другими людьми. Рабы падали, плакали и говорили что-то на своём языке, как будто умоляя нас о пощаде. Но всем было всё равно. Вдруг одна женщина средних лет споткнулась. Должно быть, её ноги запутались в кандалах. К ней подбежал Ноубл. Вместо нанесения ударов он помог ей подняться на ноги. Колонна пошла дальше. Людей клали в лодки и везли на корабль. Там их укладывали в трюм, совершенно непригодный для перевозки людей. Полной загрузки корабля достичь не удалось: в Кейп-Косте не хватало рабов. Однако впереди нас всё ещё ждал Аномабу, где мы должны были набить корабль до отказа.

Я плыл к кораблю вместе с Ноублом, на последней шлюпке. Впереди шла лодка с рабами. Вдруг там раздались крики. Один темнокожий мужчина крупного телосложения осмелился на побег. Он резко вскочил на столько, на сколько это позволяли кандалы, ударил сопровождающего, что есть мочи, и прыгнул в воду. Но цепи остановили его. Собратья бунтовщика не сделали то же самое достаточно быстро, поэтому

у матросов появилось время схватить его. Они втащили беглеца в лодку и начали наносить ему удары ногами по голове. Я запомнил несчастного. Он был непреклонен, в его взгляде не было страха. Когда мы проплывали мимо их лодки, я видел его лицо, покрытое ранами. Оно твёрдо врезалось в мою память.

– зачем мы это делаем? – спросил я у Ноубла. – они ведь тоже люди.

– дорогой друг, – ответил капитан, – здесь, на Золотом побережье, один раб стоит четыре фунта стерлингов. А в Кингстоне его цена возрастает до шестнадцати – двадцати фунтов. Прибыли колоссальны. И спрос всегда есть.

– но разве человеческая жизнь стоит двенадцати фунтов стерлинга, которые мы получаем в карман?

– раз находятся покупатели, значит стоит.

Так продолжалось несколько месяцев. Загрузить на борт пару сотен рабов посредством перевозки их на шлюпках – это задача, требующая времени. Более того, для них нужна была еда и вода. Поэтому стоянка растянулась.

Третьего мая мы окончательно подготовились к плаванию. Всё шло своим чередом: мы расправляли паруса, проверяли состояние такелажа, поднимали якорь. Наш путь лежал в Аномабу. Казалось, ничего не поменялось для меня. Но сама мысль о том, что происходит подо мной, в трюме, отделённом от меня всего пятью-шестью сантиметрами дерева, не давала мне покоя. Я ничего не сделал против этих

людей. Но чувство вины за причастность ко всему этому не покидало меня. Всю ночь я не спал. Мысли роились у меня в голове. Дурное предчувствие не оставляла моей груди. «Я должен помочь этим людям. Хоть одному. Пусть даже ценой собственной жизни»— твёрдо решил я.

4.

На следующее утро мы прибыли в Аномабу. Это место, также известное как форт Уильям, отличалось от Кейп-Коста размерами. Крепость была существенно меньше, чем Кейп-Кост, но была построена по более современному проекту. В отличие от своего соседа, форт Уильям имел бастионы, позволявшие покрывать огнём из пушек большую область. Такой вид фортификационных сооружений представлял собой выступ пятиугольной формы с прямыми стенами. Данная конструкция позволяла расположить пушки так, что они простреливали пространство вдоль стен и слепые зоны соседних башен. Таким образом, по сравнению со старомодным Кейп-Костом, Аномабу практически не имел слабых зон.

Способ перевозки грузов, как и сами грузы, здесь не отличался от Кейп-Коста. Точно также рабов грузили в лодки и везли на невольничьи корабли в связках по десять-двадцать человек. Жили рабы в подземелье, таком же, как в Кейп-Косте. Они выходили из глубин крепости, измученные, в тяжёлых оковах, гремящих по мощеной площади, расположенной внутри форта. Почти все смотрели на них с некоторым презрением. И лишь на лицах немногих, включая меня, просматривалось сострадание.

Только на этот раз место в трюме заканчивалось, поэто-

му матросы старались укладывать людей как можно плотнее, чтобы взять больше. Мы снова стояли здесь несколько месяцев, чтобы заполнить трюм до отказа. Отплыть удалось лишь четырнадцатого июля. Я снова прибыл на корабль последней лодкой. Перед отправкой я спустился в трюм. Ужасный смрад ударил мне в нос. Запахи гниения, отходов человеческой жизнедеятельности и пота смешались в воздухе. Я старался пробыть внутри как можно дольше, чтобы разглядеть бедолаг. Отчаяние и страх были на их лицах. Больше не было бунтовщиков. Вчерашний беглец скончался ночью от полученных травм и был выброшен в море на съедение акулам, следовавшим за нашим кораблём весь путь от Кейп-Коста. Причём, он был обнаружен мёртвым лишь во время утренней уборки. Можно сделать вывод, что тело было несколько часов приковано к живым. Его пример окончательно сломил волю несчастных. Больше никто не предпринимал попыток к бегству. Я продолжал осматривать рабов. Женщины, мужчины. Стариков нет – их невыгодно покупать. Зато есть дети. Я заметил одного мальчика, примерно моего возраста. Он был очень худой, немощный. Маловероятно, что он переживёт плавание и доберётся до Кингстона.

Мои силы кончились, и я вышел на палубу. Там я, наконец, смог вдохнуть свежий морской воздух. Мы поднимали паруса, поэтому я сразу принялся за работу. «Брукс» медленно отходил от берега Африки. Впереди нас ждёт долгое плавание в Вест-Индию. В тот день, четырнадцатого июля,

мы покинули Золотое побережье. Форт Уильям смотрел на нас величием своих пушек и остроугольных бастионов. За кораблём с радостным криком летели белые чайки, а под ним молчаливо плыли акулы. Солнце ярко светило, воздух был чист настолько, что можно было разглядеть Кейп-Кост, видневшийся на горизонте. Казалось, всё было хорошо, но одна мрачная деталь омрачала тот день. Нетрудно догадаться, о чём идёт речь.

Я начал продумывать план побега. Из крепости сбежать было невозможно. Даже если бы нам удалось покинуть чертоги форта, нас бы накрыли огнём из стрелкового оружия и, может, даже пушек. К слову, артиллерия, как я уже отметил, не имела непокрытых огнём зон благодаря бастионам. Если пушки не заряжены, мы не успеем пробежать четыреста метров и выйти из зоны поражения даже самых лёгких и несовершенных орудий. А дальность поражения большинства современных артиллерийских систем равна восьмистам, а порой двум тысячам семистам метрам. То есть преследователи успеют отстреляться по нам не один раз. Да и вокруг форта не было никаких существенных складок местности, поэтому укрыться от огня было негде. Также, стоит учесть, что ранение всего одного человека в связке существенно замедлит её, а значит, нас будет куда проще догнать. Более того, с нами были бы женщины и дети, которые не способны долгое время бежать без остановки.

Покинуть корабль тоже нет шансов. Нас преследуют аку-

лы, уже испробовавшие вкус человеческой плоти, поэтому доплыть до берега вплавь не представляется возможным. Да и слабые люди в связке могут потянуть нас ко дну. Можно, конечно, угнать шлюпку. Но это создаст шум и привлечёт внимание. И тогда мы снова попадём под огонь артиллерии. Хоть «Брукс» и торговый корабль, на его борту имеются пушки для самообороны, а именно восемнадцать девяти фунтовых и шести фунтовых орудий. Уплыть от них было практически невозможно, поэтому нашу шлюпку, скорее всего, потопили бы, и мы бы встретились с акулами.

Я заметил, что мои планы к побегу упираются в наличие «связки». Трудно вывести такую группу незаметно. Особенно, если нет возможности разделиться. В ходе разговоров с Ноублом я выяснил, что в следующий раз рабы будут расцеплены лишь в Кингстоне. Значит, у меня будет возможность спасти одного, или даже нескольких рабов. Только кого вытаскивать первым? Я вспомнил того мальчика, которого видел в трюме. Решено. Если он доберётся до Кингстона живым, я помогу ему освободиться.

Для побега нужно было увидеть город. Это помогло бы понять, где его слабые места. Такой возможности у меня не было. Значит, нужно было подготовить всё к побегу уже сейчас, чтобы не тратить на это время в Кингстоне.

Я изучил строение замка, который удерживал кандалы рабов. Конкретно наши имели откидную дужку. Ключ определённой формы входил в цилиндрический механизм, задви-

гая подпружиненные штифты разного размера в их шахты. Они подгонялись к ключу так, чтобы он «прятал» их всех сразу. Это «освобождало» цилиндрический механизм и позволяло ему вращаться вокруг оси ключа. При повороте, он переставал удерживать дужку замка. Свобода. Конкретнее, выступ механизма входил в специальный паз и не позволял ей двигаться. На наших замках этот паз был проточкой по всей длине поперечного сечения прута, из которого была сделана дуга. Таким образом, теоретически, если плотно перемотать это углубление тонкой проволокой, замок не защелкнется, и его можно будет открыть сильным рывком. Я так и сделал. «Подготовленный» замок я отметил рукотворными потёртостями в трёх местах. Теперь, если мне поручат навешивать замки на рабов, я смогу найти нужный и повесить его на кандалы именно будущего беглеца. Нужно было лишь попроситься на эту должность.

Но необходим и запасной план. Для этого я сделал отмычки. Как сырьё я использовал краденый столовый инвентарь. Для того чтобы открыть замок этим методом, мне нужно было вручную спрятать штифты в их «норы», симитировав ключ. Я изготовил два инструмента: пластину, изогнутую на девяносто градусов и тонкий прутик, диаметром не более трёх миллиметров. Для того чтобы открыть замок, нужно было вставить в скважину пластину и начать поворачивать цилиндрический механизм, как будто я использую ключ. Затем необходимо было при помощи второго инстру-

мента вставить штифты в их пазы по отдельности. Делать это нужно было на ощупь. Естественно, такой метод открытия замков требовал больше навыков и занимал больше времени, однако он был универсальнее и надёжнее. Для гарантированного результата требовались возможности для применения обоих способов. Ну а для тренировки у меня было время.

Так, в подготовке к побегу и выполнении морской рутинной работы прошло плавание до Кингстона.

Оно было тяжёлым как для матросов, так и для рабов. Одни трудились, не покладая рук, другие целыми днями лежали в тесном трюме, практически без еды. Рабов кормили пищей, вызывающей запор, чтобы те не засоряли трюм. Еду эту подносили в вёдрах, как скоту, и ели её из общей ёмкости. Многие умирали. За время плавания погибли ещё несколько матросов и трое рабов. Шестидесят дней жизни в таких условиях не оставляли шансов на выживание слабым телом и духом. К слову, мальчик, которого я собирался спасти, выжил. Это заслуживало уважения. Я не могу сказать, что мне было важно, кого именно освободить. Но у него, в отличие от других рабов, вся жизнь была впереди, и я не хотел, чтобы он провёл её, будучи лишь товаром. Да и плавание показывало, что у него есть все шансы пережить побег.

И вот, двенадцатого сентября мы прибыли в Кингстон, на Ямайку.

5.

Город лежал на побережье, сильно изрезанном скалами и бухтами. Способ сообщения между кораблями и портом не отличался от тех, которые я уже расписал. Суда всё так же стояли на якоре в отдалении от берега. Разве что теперь их прикрывала длинная коса Палисадос, на которой расположен Порт-Ройал. Некогда, а точнее с 1656 по 1692 год, этот населённый пункт был столицей местной английской колонии. Правда, с момента основания в 1518 году до 1661-го года он назывался «Мыс Кагуэй». Тогда это были испанские владения, и порт стоял всего в тридцати километрах от их столицы, Сантьяго-де-ла-Вега. Но после захвата ямайки англичанами, столица была перенесена сюда. К слову, город был крайне удобен для обороны. Морские отмели, рифы и песчаные косы мешали кораблям противника спокойно воевать, а значит, штурм порта был затруднён. Позже, к 1692-му году, для защиты, как самого города, так и прилегающей гавани было возведено пять фортов. Некоторые из них, например форт Уолкер, не имели круговой обороны. Они представляли собой укрепление, имеющее форму полукруга. Другие, такие как форт Чарльз, были полностью обнесены стеной. Все эти сооружения были сложены из красного кирпича и имели бастионы нового типа, подобные тем, что мы видели в Аномабу. Помимо торговцев, здесь ошивались и

пираты. Порт-Ройал прекрасно подходил для набегов на испанские торговые пути и поселения. Британских торговцев флибустьеры не трогали.

Мы вошли в гавань и встали на якорь. Почти сразу начался процесс перевозки рабов на сушу. Их грузили в лодки и везли в город, на продажу. Отсюда этих бедолаг распределяют по всей Америке. Здесь навеки будут разлучены многие семьи. Но это уже не наше дело. Мы должны были лишь продать этих людей как можно выгоднее.

Оказавшись на берегу, я начал осматривать город. Большая часть домов в Кингстоне была деревянной. Эти здания были высотой в один или два этажа. Иногда можно было увидеть более монументальные каменные постройки. Крыши домов были сделаны из чего-то похожего на тростник, но встречались и черепичные. Вдоль дорог росли высокие пальмы. Сами улицы не были грунтовыми.

По дорогам то и дело перемещались конные экипажи, чернокожие женщины и мужчины, как правило, несущие какие-то грузы, богато одетые представители английской знати, военные в красных мундирах. Порой пробегали куры, козы и прочая скотина. Все эти детали сильно контрастировали друг с другом. Странно видеть тучного богато одетого мужчину, которому перебежали дорогу несколько кур. Но такие странности легко объяснялись тем, что был столицей колонии, поэтому именно здесь пребывали почти все представители местных властей.

Я начал продумывать план побега. Город был обнесён невысокой стеной, которая не позволяла легко покинуть город. Однако с восточной стороны текла река Халл, не слишком широкая, но достаточно глубокая. По ней корабли заходили в городской док, расположенный в северной части города. На противоположном берегу лежала цитадель Кингстона – куда более серьёзная крепость, с высокими стенами, тяжёлыми пушками и тремя мощными бастионами, более сложной формы, чем классический пятиугольник. Кроме того, цитадель была окружена рвом с водой. Но если зайти в реку у самой северной части города, то можно, спускаясь по течению, добраться до незащищённого восточного берега реки. Конечно, с юга по нам сможет стрелять цитадель. Но потребуется много времени, чтобы оповестить её солдат о побеге. Да и густые леса укроют нас от артиллерийского огня преследователей. Так я и решил поступить.

Тем временем начался процесс продажи рабов. Их отмывали и всячески маскировали следы тяжёлых болезней. Покупатель должен был вложить в них деньги, поэтому выбирал тех, из кого можно будет выжать как можно больше денег в будущем. Поэтому больные или слабые с виду люди плохо продавались.

Торги шли на рынке, недалеко от прилавков с овощами и фруктами. Покупатели стремились назначить максимально низкую цену, чтобы купить больше рабов. Купили и моего будущего друга. Мне удалось согласно плану надеть на

его кандалы именно нужный замок. Торги продолжались до самого вечера. Мы не распродали всех рабов. Но уже сегодня картина уходящих верениц пленников пугала. Хотя для местных это было чем-то совершенно обычным. Более того, многие даже радовались прибытию нашего груза.

Мне удалось догнать и пообщаться с человеком, купившим будущего беглеца. Его звали Калверт Литтл. Это был человек среднего роста, с бледными руками маленького размера. По телосложению Калверт был полноват и неуклюж. Лицо работорговца было круглым, но из-за высокого лба складывалось впечатление, что нос, глаза и рот были прижаты прессом к подбородку. Волос видно не было, зато голову Калверта украшал белый парик. Одет он был в красный бархатный кафтан с золотыми пуговицами и завязками. Штаны были белыми. На ногах красовались туфли с блестящей бляшкой ремешка. Я был удивлён, как Литтлу не было жарко в таком костюме, и как он не боялся испачкать свой дорогой наряд на местных улицах. В ходе разговора выяснилось, что этот человек приехал из Англии и поселился в Южной Каролине, а сюда прибыл для того, чтобы купить рабов для своих плантаций. Сейчас он зарабатывал много денег на продаже выращенных земледельческих культур. Высокий уровень жизни и немалый достаток относили его к местной аристократии. Это Литтл старался подчёркивать во всём.

– сегодня – говорил он писклявым голосом, – мой последний день в Кингстоне. Завтра я отбываю домой. Поэтому

этим вечером я даю бал, самый роскошный на этом острове. Мы собираемся в восемь часов вечера, как только я осмотрю и загоню в подвал этих грязных негров. К сожалению, их нужно держать под моим домом, поэтому праздник будет проходить на втором этаже – от них жутко всегда воняет. Но это не отменяет того, что вам придётся сменить одежду, если вы захотите прийти ко мне. Всё-таки у меня собирается приличное общество, которое не привыкло возиться с неграми.

– не могу знать, будет ли на вечеринке наш капитан, но я обещаю быть там. – ответил я, стараясь не выказывать презрения в речи. В голове у меня окончательно сложился план. – Где находится ваш дом?

– между Серебряной улицей аллеей Боула. Это всего в одном доме от здания городской администрации. Торцом мой дом выходит к центральному рынку. Это самое лучшее место в городе. Ладно, мы уже много времени потратили на болтовню. – сказал Литтл, глядя на дорогие позолоченные часы, которые он достал из кармана. Рабовладелец смотрел на них очень долго и пристально, не то, стараясь привлечь моё внимание к ним, не то, получая удовольствия от владения ими. – А ну пошли, негры безмозглые.

Литтл размахнулся и ударил одного из рабов плёткой. Это было странно, ведь этот человек ни как не провинился перед новым хозяином. Он не отставал, не тормозил ход. Зачем нужна была эта жестокость?

Я же поспешил на корабль. Времени оставалось мало.

6.

К указанному времени я спрятал другой комплект одежды в кустах неподалёку от дома. Там же я оставил отмычки и ткань, чтобы закрыть ей лицо. Капитан согласился посетить бал. Когда мы пришли в дом, праздник только начинался. Ещё приходили гости, также относившие себя к высшему обществу. Среди них были и чернокожие, которые, как ни странно, тоже были рабовладельцами. Однако их было мало. Уже звучала музыка, и начались игры в карты. Я старался не отличаться от толпы, хотя тревожность не оставляла меня в покое. Вскоре я приобщился к веселью. Нужно было дожидаться, чтобы все гости собрались на втором этаже. Поэтому я засел за игру в карты. За полтора часа я проиграл некоторую сумму денег, поэтому я покинул игру под предлогом перекура. Я никогда не курил, несмотря на обилие моих матросов, подверженных этой зависимости. Но такой повод покинуть бал выглядел более чем правдоподобным.

Я вышел на улицу, и пошёл в сторону моря, но, как только зашёл за угол, сразу побежал к моему схрону. Переодевшись, я вернулся к дому Литтла. Гости всё также были на втором этаже, поэтому мне удалось проникнуть в подвал под домом через прихожую. Я спустился в подземелье. Знакомые запахи ударили мне в нос. В моей голове всплыли воспоминания из Кейп-Коста и Аномабу. Но для мысленного возвра-

щения туда не было времени. Я начал осматривать комнаты содержания. Это были помещения с низкими потолками, земляным полом и тёмными стенами. Свет проникал сюда лишь через узкие окна, закрытые решёткой. Стёкол не было. Вскоре я нашёл нужного раба. Он сильно похудел и осунулся за время плавания, но в его глазах всё ещё была жизнь. Я подбежал к нему и потянул за замок. Кандалы не раскрылись. Очевидно, Литтл сменил замки. Хорошо, что я взял с собой отмычки. Вскоре замок был открыт, и мы направились к выходу. На лице мальчика было некоторое недоумение, смешанное со страхом. Он не знал моего плана, поэтому его реакция была вполне ожидаема.

Мы выбрались из подвала, как вдруг встретили Литтла в прихожей. Он ругался с каким-то нищим, который пришёл на звук, чтобы попросить милостыню. Работорговец заметил нас и перегородил нам выход. Мне не оставалось ничего, кроме как ударить Литтла по лицу. Мой кулак попал в челюсть. От сильного удара работорговец свалился на пол из красного дерева. Испуганный нищий ринулся бежать прочь, в сторону здания управления. Мы же поспешили к реке.

Тем временем, Литтл уже оклемался от удара и, вооружившись мушкетом с позолоченным кремниевым замком, направился в погоню. Оказавшись с нами на линии выстрела, он нажал на спусковой крючок. Мушкет вырвался из его рук как конь из-под наездника. Пуля пошла мимо. Очевидно, Литтл не умел стрелять. Зато шум привлёк внимание сол-

дат, которые обходились с оружием гораздо лучше.

– ловите, ловите беглецов! – кричал Литтл своим писклявым сорванным голосом.

Пока к месту преступления прибыли солдаты, мы уже пробежали улицу Нижних ворот и свернули на переулок Солтера. Проскочив мимо большого здания по Высокой улице, мы вышли к докам. Там по нам открыли огонь с юго-запада. Военные решили пройти вверх по улице Нижних Ворот и вышли к воде в то же время, что и мы. Между нами было около трёх сотен метров, поэтому солдаты дали залп из мушкетов. Мы с бывшим рабом припали к земле. Пули просвистели у нас над головой, но не задели нас. Мы вскочили и побежали дальше. После первого залпа расстояние между нами и солдатами существенно уменьшилось, поэтому малейшая ошибка могла помешать выполнению плана. Всего сто метров отделяли нас от полного провала. Но вот мы свернули за угол небольшого бедного домика. Перед нами оказалась заветная река. Она спокойно текла, омывая тёмной водой берега, поросшие густой растительностью. Топот ног за углом усиливался, поэтому мы, не задумываясь, прыгнули в воду. На наше везение мимо проплывало сломленное дерево, всё ещё обладавшее достаточно густой кроной. Мы спрятались в его листве и начали осторожно грести к противоположному берегу. Тем временем солдаты вышли на набережную. Мы буквально ушли у них из-под носа. Раздался грохот, и в лесу на другой стороне реки посыпались ветви. Цитадель дала

залп. Они не видели нас, но постарались накрыть из пушек ту область, где мы должны были быть. Если бы не их просчёт во времени, возможно, нас бы настиг пушечный огонь из крепости.

Мы добрались до восточного берега. Густая растительность позволила нам незаметно покинуть спасительное дерево. Я посмотрел назад. Во многих домах зажглись окна. Мы разбудили весь город. Солдаты поняли, что мы могли уйти по реке, поэтому начали спускать на воду лодки. Они должны были оказаться на нашем берегу всего через десять-двадцать минут. Более того, с минуты на минуту цитадель могла дать второй залп. Поэтому мы побежали вглубь леса, спотыкаясь о корни деревьев, рассекая кожу о колючки. Нужно было уйти от города как можно дальше.

Через некоторое время мы полностью выдохлись...

7.

Пришлось спрятаться в папоротнике, укрывающем землю густым зелёным ковром. Над нами нависали пальмы и другие деревья, которые я видел впервые в жизни. Растительность здесь была многообразна. Но все эти бесчисленные виды деревьев и кустарников объединяло одно – ярко-зелёный, изумрудный цвет листвы. В этих джунглях нет хищников. Крокодилы обитают лишь на южном побережье острова, поэтому мы, находясь в его центральной части, не сможем с ними встретиться. Самый крупный наземный хищник – Ямайский удав, достигает до двух метров в длину, однако питается он исключительно мелкими животными, поэтому не опасен для человека. К слову, среди всех змей острова нет ни одного ядовитого вида. Я бы сказал, что в этих лесах приятно находиться, если бы не воздух. Жара и высокая влажность создают ощущение духоты.

Нужно было думать, что делать дальше. Уходить вглубь леса не имело смысла. Мы бы умерли там без еды и воды. Да и мне нужно было вернуться в город, иначе все поймут, что я причастен к побегу. Корабль будет отплывать только через месяц. За это время нужно придумать, как быть с беглецом. А для начала, необходимо с ним познакомиться.

– Габриэл Кливз – сказал я, протягивая руку бывшему рабу и показывая на себя пальцем. Он смотрел на меня с недо-

верием, но вскоре ответил мне рукопожатием.

– Квако Ачиампонг – представился мальчик.

– Я, – говорил я максимально медленно, – должен... пойти в город... иначе... меня арестуют...

Я старался объяснять свои слова жестами. Видимо, Квако примерно понимал их.

– Metwen...wo wə...ha [с языка Чви (основного языка Ашанти) «я буду ждать тебя здесь»] – отвечал беглец также медленно и с жестикуляцией. Мы явно понимали приблизительное значение наших фраз, но точность «перевода» оставляла желать лучшего. Стало понятно, необходимо помочь ему выучить основу английского языка. Иначе, он не сможет выживать в здешнем обществе. Благо, на это у меня ещё был целый месяц.

Сейчас же я поспешил в Кингстон. По прибытии в город всё улеглось. Я нашёл мой схрон и переоделся. Очень быстро я нашёл Ноубла. Своё отсутствие я объяснил страхом попасть под шальную пулю. Согласно моей легенде, услышав звуки стрельбы, я поспешил в противоположный конец города и укрылся там. Кажется, капитан поверил в обман.

Бал прекратился: Литтл был не в настроении праздновать дальше, поэтому он закрылся в своём доме. Ему нужно было оправиться от пережитого. Мы же с капитаном вернулись на корабль, чтобы заночевать там.

На следующее утро я поспешил на рынок. Там я на собственные деньги купил немного еды и направился к выхо-

ду из города. На этот раз я решил переплыть реку на лодке, якобы собираясь прогуляться по здешним лесам. По дороге я встретил Литтла. Он был всё также одет в дорожную и совершенно неудобную одежду. В ходе разговора выяснилось, что он вместе с отрядом военных идёт в джунгли на поиски беглецов. Литтл даже пригласил меня принять участие в его экспедиции, на что я охотно согласился: подобный манёвр мог отвести от меня подозрения.

Мы шли цепью. Солдаты настаивали на планомерной очистке джунглей, но рабовладелец слишком торопился, поэтому настаивал на поиске конкретных следов. Конечно, его метод имел смысл, но кабаньи тропы постоянно отводили нас от верного пути. Всего через пару часов мы собрались возвращаться в город – рабовладелец слишком устал. Мне пришлось пойти в Кингстон вместе с ними, ибо я уже погулял по джунглям, и моё дальнейшее пребывание там могло вызвать подозрения. Однако мы договорились о моём присутствии на завтрашней экспедиции. Было странно, что человек, купивший около пятидесяти рабов, так ищет одного беглеца. Жадность не позволяла ему поехать в Южную Каролину согласно плану. Однако я догадывался, что вскоре ему это надоест.

Следующая экспедиция прошла без происшествий. Я разведал тактику поисковиков. Они не возвращались в уже исследованную область. Имело смысл переместить Квако в уже зачищенную зону. Поэтому на следующий день я отказался

от участия в охоте, объяснив это травмой ноги.

Когда отряд Литтла покинул город, я поспешил добрат-ся до нашего лагеря. Выяснилось, что за время моего отсут-ствия Квако уже соорудил себе что-то вроде шалаша. При-шлось расстроить его новостью о переезде. Шалаш я решил не разбирать, чтобы пустить охотников по ложному следу.

Новый лагерь мы разбили всего в паре миль от цитаде-ли. Там нас точно не будут искать, и мне будет удобнее до-ставлять туда припасы. В тот же день я начал обучать ново-го друга английскому. Он был достаточно сообразительным, поэтому за первый день изучения языка освоил простейшие фразы на подобии «Меня зовут Квако». Обучать его письму было слишком долго. Да и это не имело смысла. Здесь боль-ше половины жителей не умели писать.

Новый шалаш мы строили вместе. С каждой новой вет-кой он всё больше и больше походил на человеческое жильё. Я собрался поднять камень с земли, чтобы положить его в «фундамент» конструкции, как вдруг резкая боль и жжение пронзили мою руку. Я отскочил назад и увидел, как из-под булыжника выползает огромное насекомое. Это была сколо-пендра, длиной около двадцати сантиметров. Тело её было багряно-красное, с коричневым оттенком, а лапки светлые, словно кость. Я чувствовал, как яд медленно поднимается по уже отекающей руке. Не то от его действия, не то от шо-ка я начал терять сознание. Тут меня подхватил Кваку. Он взвалил меня к себе на плечи и потащил в сторону цитадели.

Это было крайне рискованно, ибо его всё ещё искали. Но, ни это, ни отсутствие обуви, способной защитить его ноги от колючек в условиях повышенного давления на ступни, не поколебало его при принятии решения спасти меня. Спотыкаясь, тяжело дыша, согнувшись под тяжестью груза, африканец донёс меня до крепости, почти до самых ворот, и убежал в джунгли, опасаясь военных. До солдат я добрался самостоятельно, опираясь на стену цитадели. Там меня быстро госпитализировали.

Врачи объяснили мне, что меня ужалила гигантская сколопендра, дальний родственник домашних сороконожек. Её яд способен убивать мелких грызунов, насекомых и даже птиц. Для человека он не смертелен, хотя способен вызвать жар, отёк, боль, озноб и слабость. Судя по тому, что эти симптомы не спадали с меня около двух дней, меня атаковала самка сколопендры. Обычно их яд сильнее, чем у самцов того же вида.

8.

Когда я восстановился, я продолжил ходить в экспедиции раз в два-три дня. Между ними я либо посещал Квако, либо занимался его трудоустройством. Последнее было как работой на будущее, так и созданием алиби. В результате поисков я остановился на каперстве. Морской разбой сулил ему некоторые деньги, а также возможность жить на корабле, месте, где Литтл его не найдёт. Что касается этнической принадлежности Квако, около четверти пиратов были чернокожими. Флибустьерам было всё равно на то, что абсолютное большинство этих людей являлись беглецами. Однако подобное трудоустройство не было секундным делом.

Тем временем, Литтл прекратил поиски и покинул Кингстон. Не могу сказать, надоели ли ему постоянные рейды в джунгли или он осознал, что содержание рабов требует больше денег, чем цена одного беглеца. Но факт остаётся фактом – больше Квако ничего не угрожало. Но возвращать его в город я не рискнул.

Девятого декабря мне, наконец, удалось устроить африканца юнгой на корабль одного из корсаров. Он отходил тем же вечером, поэтому мы распрощались.

– до свиданья...Габриэл...– говорил Квако на ломаном английском. – я благодарен...ты...se woboа wɔn ma woguan [с Чви «за помощь в побеге»] от...злой...onipa [с Чви «чело-

век»].

– прощай – отвечал я, – не думаю, что мы увидимся ещё раз.

Через пару часов корабль уже скрылся за горизонтом, а я остался на берегу с чувством выполненного долга. Возможно, у меня ещё было время для того, чтобы провернуть вторую такую же спасательную операцию, но не было настроения. Сложно описать это чувство, когда уже совершил нечто большое, и начинать что-то такое же нет ни сил, ни желания. Конечно, мои действия не изменили положение во всём мире. Но начинать нужно всегда с себя, ведь даже самое малое доброе дело способно сделать мир немного лучше. Ну а я спас целую человеческую жизнь.

Двадцать второго декабря мы отплыли от Кингстона и через тринадцать месяцев вернулись в Ливерпуль. Я ушёл с Брукса на другой корабль, который уже не был связан с работорговлей. Там я и проработал до конца своей карьеры. За это время я дослужился до боцмана, женился, завёл детей.

Но я часто вспоминаю первое плавание. Больше всего меня волнует моё последнее решение. Каперство – опасное занятие. Если на торговом Бруксе за время плавания погибло восемь человек, страшно представить, какая смертность на пиратских судах. Как сложилась судьба Квако? Трудно представить, как тяжело ему было жить в кругу разбойников, толком не зная языка. Да и правильно ли было превращать его в пирата?

Извини, я должен побыть один.

9.

Старик окончил свой рассказ. Было видно, как лицо его наполнилось печалью. Я оставил Габриэла на берегу, как он и просил. Желание ловить рыбу пропало, и я направился домой. Я шёл тем же путём, но мысли у меня были уже совсем другие.

Конец.